

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ГРИГОРИЙ ЗАХАРОВ:

«ПРОСТО ДЕЛАЛ СВОЕ ДЕЛО...»

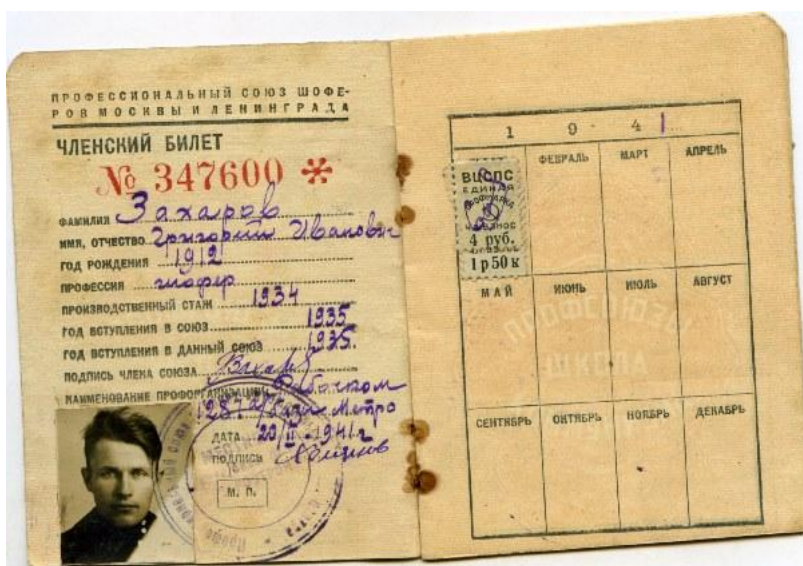
МИХАИЛ ВАСЬКОВ,

полковник внутренней службы в отставке

Соцпроисхождение: из крестьян

Григорий Захаров в числе первых метростроевцев (в железнодорожной форме, 1934)

...Из скурых рассказов старших я знал, что мой дед по материнской линии – Захаров Григорий Иванович, «по соцпроисхождению» (как тогда говорили) был из крестьян Тверской губернии. С молодой женой – Татьяной, моей бабушкой, в Москву он приехал в начале тридцатых, завербовавшись на Метрострой. Познакомились же они в Ленинграде, куда во времена НЭПа в поисках лучшей доли из деревень (в наши дни уже давно не существующих) перебрались их родители. Перебраться, надо сказать, успели очень вовремя, ибо последующая вскоре сплошная коллективизация наглухо закрыла дорогу в города крестьянам, фактически прикрепив их к земле словно крепостных – колхозникам до 1974 г. паспорта были не положены.

Дед был в числе первых метростроевцев, сначала трудился проходчиком, затем, окончив без отрыва от производства курсы автодела, из забоя перешел на работу в автобазу Метростроя. Когда началась война, несмотря на метростроевскую бронь, пошел записываться добровольцем, повторив семейную традицию: в 1914-ом также поступил его

отец, мой прадед, Иван Захарович Захаров, будущий Георгиевский кавалер, который всю Германскую провоевал на передовой.

*Уйдя добровольцем на фронт, дед поддержал семейную традицию.
На снимке прадед (с крестами) Иван Захарович Захаров, 1916*

Рвался на «передок» и дед, но судьба уготовила ему иные (в прямом смысле) фронтовые дороги – как имевшего классность профессионального водителя его определили шофером к замполиту одного из соединений. Пребывание деда в действующей армии пришлось на самый тяжелый период: изнурительные оборонительные бои, горечь отступления, скорбь от потерь товарищей, бессильная ярость – враг тогда был сильнее...

Дед почти никогда не вспоминал фронт. На все мои расспросы, бывало, лишь отмахивался: *«Подумаешь, был водителем... Ну, попал под бомбежки, и что? В окопах же «вшей не кормил», в штыковую не ходил. Никаких подвигов не совершал. Просто делал свое дело...»*.

Конечно, я с детства знал, что дед участвовал в обороне Москвы, что был ранен (на правой руке у него не хватало фаланг нескольких пальцев), что имел награды. Но хоть каких-то подробностей о военных годах от деда впервые услышал только во время так называемой «Перестройки».

Перед выпиской из госпиталя, ноябрь 1941-го. Интересная деталь - дед в буденовке, новую форменную ушанку еще не получил.

В октябре сорок первого

...Как-то в конце 1980-х я заехал поздравить деда

(бабушка к тому времени уже умерла) с Днем Советской Армии в полевой старлейской форме. (За пару дней до этого вернулся из командировки в одну из «горячих» точек, кои тогда стали множиться по всему периметру границ Союза с катастрофической быстротой). Дед, оглядев меня, удовлетворенно крикнул и, надев пиджак с наградными планками, достал «заветную» поллитровку. Под «фронтовые сто грамм» я неторопливо рассказал деду о своих делах, о военкорровской службе, коснулся и сложной оперативной

обстановки в южных регионах, где тамошние жители уже открыто винили Москву во всех своих бедах; ругали, на чем свет стоит, «партию и правительство» за провал национальной политики, неспособность навести порядок, нехватку продовольствия, рост преступности, требовали отделения...

– Веры в партию больше нет даже у «старых большевиков», того и гляди, начнут громить райкомы и магазины, а заодно и «резать оккупантов», – резюмировал я.

Дед вздохнул:

– Знаешь, а ведь нечто подобное уже было.

– Когда? Во время «гражданки»? После, во время разгула бандитизма?

– Да, нет, – усмехнулся он, – в октябре сорок первого. Дорога к Победе ведь была очень нелегкой, и далеко не всё было однозначно. Вот, слушай...

В середине месяца, помню, возил Йогансона, нашего политрука, в Москву на совещание. Тогда от передовой до здания ЦК было уже лишь часа три-четыре езды. В условиях прорыва немцев на ряде участков фронта партийное руководство готовило экстренную эвакуацию города, отдавало военным и хозяйственникам приказы по соответствующим мероприятиям: минированию метрополитена, мостов, электростанций, подготовке к взрыву плотин и сбросу на наступающего врага вод подмосковных водохранилищ (что было, кстати, эффективно применено), вывозу заводского оборудования, продовольствия, архивов и ценностей, переводу госпиталей на восток. Политработников же высшего звена, по всей видимости, инструктировали, как объяснять в частях перенос линии обороны восточнее столицы и «временный переезд» ЦК и правительства в Куйбышев. Йогансон, конечно, не раскрыл тогда никаких подробностей совещания, носившего, разумеется, секретный характер, но, судя по его мрачному виду, я понял: дела совсем плохи. Переночевав в отведенном месте, на следующий день мы возвращались на фронт по улицам, в буквальном смысле охваченным паникой – слухи, что Москву готовят к сдаче, и что немцы вот-вот будут в городе, быстро распространились среди москвичей. Остановились заводы, закрылись социальные объекты, не работало метро, перестали выходить газеты. Люди, бросив имущество, «штурмовали» автобусы, грузовики, подводы и рвались на Владимирку, Рязанку, по которым еще можно было уйти на восток. Никогда не забуду гнетущий вид пустых домов, в которые прекратили подавать воду, свет и тепло, разграбленных магазинов, вставших трамваев и троллейбусов, перевернутых машин, валявшихся в беспорядке мешков с песком, мотков колючей проволоки, мечущейся бесхозной скотины, брошенных тюков и чемоданов, кип каких-то бумаг, никому не нужной уже бухгалтерской документации, немецких листовок, завалы битого стекла и арматуры. Порядок

поддерживать было некому – военные патрули и милиция куда-то пропали! Но особо поразили меня валявшиеся прямо в кучах мусора тома Маркса, Ленина, бюсты вождей, советские деньги и разорванные партийные билеты!

Я удивленно вскинул брови. (Время сожжения партийных билетов в прямом эфире тогда еще не пришло). Впервые слышал столь откровенный рассказ о панике октября сорок первого, да еще от очевидца, и не просто очевидца – от своего деда!

Победить или умереть

Дед между тем продолжил рассказ:

– Когда приехали в часть, политрук позволил лишь наскоро перекусить, пока он совещался с командирами, и, несмотря на начавшийся дождь, приказал снова собираться в путь. Видимо, пока не размокли дороги, решил развести указующие партийные рескрипты по нижестоящему политсоставу. Взяв с собой двух автоматчиков сопровождения, мы поехали в наступающие сумерки...

Уж никак не ожидали мы в такую погоду, да еще в нескольких километрах от линии обороны встретить немецких мотоциклистов. Заметив легковушку, они, естественно, смекнули, что в ней находится какое-то «большое начальство», и с ходу нас атаковали. Скорее всего, это были диверсанты, которым накануне немецкого генерального наступления на Москву была поставлена задача уничтожения наших линий связи и организация диверсий в тылу. Спасло нас то, что после первых выстрелов мы поспешно покинули «эмку», заняв позицию в кювете. Машину же немцы буквально через несколько секунд забросали гранатами. Помню, Йогансон, все матерился и кричал мне уничтожить портфель с пакетами, если его убьют (в бою уже пал один из автоматчиков сопровождения). Наверное, постреляли бы нас всех, если бы, на наше счастье, каким-то чудом бойцы из полка, куда мы ехали, не услышали сквозь ненастье интенсивную стрельбу, и не подоспели бы к нам на помощь...

После этого боя, – дед кивнул на руку, – и осталась у меня отметина на всю жизнь.

В госпиталь во Владимирскую область попал в самом скверном настроении, несмотря на то, что политрук представил меня к награде. Как Москва? Неужто, и вправду отдадут? Но буквально через несколько дней до госпиталя дошли слухи: Сталин остался в Москве, порядок и функционирование городской инфраструктуры восстановлены. Вновь прибывшие раненые рассказали, что и ситуация на фронте стабилизировалась: фашисты, хотя и продвинулись к столице на расстояние одного танкового броска, но все же были остановлены на последнем рубеже. Как-то отлегло от сердца.

Старший сержант Григорий Иванович Захаров, 1945 год

Ну, а после того, как 7 ноября на Красной площади провели праздничный парад, окрепла уверенность: Москва выстоит! Кстати, накануне годовщины революции я и подал заявление о вступлении в партию... И не потому что верил в какой-то, там, марксизм-ленинизм, коммунизм как «счастье для всего человечества» в стиле довоенного пропагандистского бреда, что «немецкий рабочий в солдатской форме не будет стрелять в братьев по классу и повернет оружие против своих эксплуататоров». Не

потому что был каким-то ярим фанатиком-сталинистом. Не потому что простил большевикам «раскулачивание» родни и их ссылку. Мотивация была совсем иной. Понимаешь, это был как некий символ веры в грядущую Победу Родины. Потому что знал: немцы коммунистов, как и евреев, в плен не берут. И лично я был теперь просто обязан или победить, или умереть.

Среди огнеборцев

...Но на фронт деда, как имеющего увечье, больше не взяли. Уж не знаю, какими правдами-неправдами, но он добился права остаться «под погонами»: по выписке из госпиталя в конце ноября сержанта Григория Захарова направили на тыловую службу – в московскую пожарную охрану (она тогда была структурой военизированной), где остро не хватало шоферов.

Машины дед водил мастерски, 1950-е

Впрочем, «тылом» прифронтовую Москву конца 1941 – начала 1942 гг. можно было назвать лишь условно. Бои на ближних подступах (по одним данным, немецкие бронетранспортеры и мотоциклы прорывались до Химкинского моста, по другим – до Сокола), обстрелы (до нашего контрнаступления) вражеской дальнобойной артиллерией московских пригородов, нескончаемые налеты фашистской авиации... Особенно страдал город от налетов. Взбешенный поражением Вермахта в наземном сражении за Москву фюрер приказал стервятникам Геринга «сжечь большевистскую столицу с воздуха». К тому времени немцы убедились, что мелкие зажигательные бомбы и возникающие от них пожары быстро ликвидируются самим населением, поэтому стали использовать фугасы и комбинированные бомбы больших калибров. Это значительно осложняло работу пожарных. Часть, куда получил назначение дед, находилась в Черкизове. Выезды на место пожаров следовали и днем, и ночью. Тушили жилые дома и административные здания, госпитали и школы, нередко – под продолжающейся бомбежкой.

*Более сорока лет дед (на снимке - в центре)
отдал службе в пожарной охране, 1960-е*

Наиболее запомнился деду (про службу пожарным он, кстати, вспоминал гораздо охотнее) пожар на станции Лосиноостровская (в то время – ближний пригород). Дед говорил, что это было тяжелейшим испытанием для всех московских пожарных, поскольку пожар был таких гигантских размеров, что его прибыли тушить со всех частей города. Утром 30 декабря вражеским летчикам удалось поджечь станцию, где скопилось огромное количество составов. Борьба с огненной стихией велась в сложной обстановке: стоял сильный мороз, и для тушения не хватало воды – она просто замерзала. А рядом продолжали греметь взрывы – горели воинские эшелоны с боеприпасами. Пренебрегая опасностью, исключительный героизм проявляли машинисты, отводившие в стороны составы с горючим, боеприпасами, иначе пожар мог приобрести масштаб поистине общегородской катастрофы! Пожарные вытаскивали из огня раненых из санитарных поездов, спасали продовольствие, народно-хозяйственные грузы, прибывшее теплое обмундирование для фронтовиков. Огонь удалось ликвидировать лишь на следующий день, в канун нового, 1942-го года. В той схватке со стихией погибло самое большое количество огнеборцев за военные годы...

В числе особо отличившихся деда наградили тогда грамотой Верховного главнокомандующего. (Дед в войну будет также награжден несколькими медалями, а Орден Отечественной войны, в числе других ветеранов, получит уже позже – к 40-летию Победы).

После войны дед на Метрострой не вернулся – так и остался водителем пожарного расчета. Небезынтересно: несмотря на то, что организационно в советское время пожарная охрана входила в состав МВД, огнеборцы тогда не только носили военную форму, но даже звания у них долгое время были воинскими.

Только лишь в 1950-е гг. во время реформирования силовых ведомств Указом Президиума Верховного Совета СССР их преобразовали в т.н. «специальные». С того времени у деда к званию «старший сержант» добавилась приставка – «внутренней службы».

В этом звании он и вышел в отставку в 1972 году, отдав пожарной службе более сорока лет. К слову, отсутствие нескольких фаланг на пальцах не мешало ему быть великолепным водителем. Едва ли ни до глубокой старости он мастерски водил машину.

До конца своих дней (дед даже застал немного новый век) сохранял здравый ум и активность, работал в районном совете ветеранов...

